

В СВОДКАХ НЕ СООБЩАЛОСЬ...

**АНДРЕЙ
ВОРФОЛОМЕЕВ**

АГЕНТ

ПО НЕВОЛЕ

В сводках не сообщалось...

Андрей Ворфоломеев

Агент поневоле

«ВЕЧЕ»

2019

Ворфоломеев А. А.

Агент поневоле / А. А. Ворфоломеев — «ВЕЧЕ», 2019 — (В сводках не сообщалось...)

ISBN 978-5-4484-8281-6

История Второй мировой войны отнюдь не исчерпывается боями на советско-германском фронте, хотя, бесспорно, СССР внес решающий вклад в победу войск антигитлеровской коалиции. В этом сполна смог убедиться агент советской разведки Александр Ли – китаец по национальности, сражавшийся по заданию нашего командования с общим врагом не только на полях Европы, но и в джунглях Юго-Восточной Азии. В конечном итоге он осознает, что, невзирая на все препоны, неукротимый дух действительно побеждает...

ISBN 978-5-4484-8281-6

© Ворфоломеев А. А., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Ретроспектива № 1	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Ретроспектива № 2	18
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	31
Ретроспектива № 3	34
Глава 9	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Андрей Ворфоломеев

Агент поневоле

© Ворфоломеев А.А., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Маме моей Марии Яковлевне Ворфоломеевой – ребенку военной поры

Ретроспектива № 1

В провинциальном городке моего детства ветераны Великой Отечественной войны ещё не воспринимались, как нечто исключительное. Было их много, парадные колонны на 9 мая и 7 ноября ходили большие. Однако жил с нами по соседству ветеран, который всё же выделялся на общем фоне. Сколько я себя помню, звали его все «дядя Саша». Недаром же говорится в народе, что «маленькая собачка – до старости щенок». Так и дядя Саша. Ни у кого и мысли не приходило, чтобы назвать его Александром Ивановичем. Маленький, улыбчивый, вечно приветливый и дружелюбный.

Была и ещё одна деталь, отличавшая его от остальных участников войны. Но об этом я догадался чуть позже, когда подрос и научился разбираться в наградах. Различать боевые и юбилейные, и так далее. Разумеется, наиболее почетной считалась «Золотая Звезда» Героя Советского Союза. Несколько награждённых ей имелось и в нашем районе, однако лично мне не довелось с ними встречаться. Не помню также кавалеров орденов Славы и Красного Знамени. Зато доподлинно знаю, что из более младших по статусу наград фронтовиками особенно ценились орден «Красной Звезды» и медаль «За отвагу».

В этом плане ничем исключительным дядя Саша похвастаться не мог. На левой стороне его потертого чёрного пиджачка, в верхнем ряду, красовались всего пять боевых наград. Первая, по счету, и третья были всем известными медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Германией». А вот между ними, на матерчатой пурпурно-золотой ленте висела никем прежде не виданная бронзовая шестиконечная звезда, каждый луч которой оканчивался завитком взвихренного металлического пламени. На лицевой стороне по кругу шла отчеканенная надпись: «De geest overwint». Ни у кого в городе больше таких не было.

И вот, как-то раз, набравшись смелости, я обратился к ветерану с вопросом:

– Дядя Саша, а что это за награда? Очень необычная.

– Эта-то? – хитро прищурился старичок. – Это голландская «Звезда Сопротивления за Восточную Азию в 1942–1945 гг.»!

– Ничего себе!!! А за что вам её дали?

– О-о-о! Это долгая история.

– А расскажете?

– Отчего нет? Если время будет, то захаживай. Чайку попьём, побеседуем. Мне всё равно особо делать нечего. Скучно-то вечерами. Да и пережитым поделиться охота. Только, смотри, потом не морщся. Мы, старики, знаешь ли, болтливы...

Так я стал частым гостем у дяди Саши. И ничуть о том не пожалел. История его жизни оказалась настоль необычна, что и впрямь напоминала сюжет настоящего авантюрного романа. Причем, как некогда было модно замечать, «рассказанного им самим».

Глава 1

Саша Ли ехал на войну. Эшелон дробно постукивал на стыках рельс, а за приоткрытой дверью теплушки всё проносился и проносился унылый осенний пейзаж, перечёркнутый косой сеткой дождя. Голые, сбросившие листву перелески, крытые соломой домишки маленьких деревенек, раскисшие стога сена, нахохлившиеся грачи и снова степь, степь, степь.

Саша, зябко передёрнув плечами, натянул посильнее на остриженную под машинку голову пилотку, заботливо укутал ноги длинной поллой шинели и в очередной раз бросил взгляд в глубь вагона. Разве мог он ещё совсем недавно помышлять о подобной судьбе? Невольно в памяти всплыли яркие, но уже словно подёрнутые патиной, картинки выпускного вечера и той роковой ночи, самой короткой в году. Одурачивший запах черёмухи, дружные песни над привольно раскинувшимся Доном, сияющие глаза нарядных девчонок. Каким прекрасным казалось тогда будущее! Однако судьба приготовила им совсем иные университеты.

Остальные солдаты дремали, стараясь с максимальной пользой для себя использовать каждую минутку свободного времени. Не спал лишь сидевший неподалёку старшина Брагин – высокий, сорокапятилетний мужчина, с аккуратно подстриженными и залихватски подкрученными кверху усами. Отворив сизо-серую дверцу буржуйки, он подбросил в рдьяно алевшее нутро печки пару чурок, после чего удовлетворённо хмыкнул, потёр свои костистые, мозолистые ладони друг о друга и принялся обстоятельно сворачивать сигарку.

Вообще со старшиной им повезло. Призванный из запаса и хлебнувший солдатского лиха ещё на фронтах империалистической войны, Брагин оказался лёгким, весёлым и неистощимым на шутки и любые выдумки человеком. И мастером на все руки, к тому же.

Улыбнувшись, Саша вспомнил, как старшина учил его в первый раз мотать обмотки. Заметив растерянное лицо новобранца, Брагин взял в руки узкую матерчатую ленту и сказал, усмехаясь в усы:

- Что, сынок, не ведаешь как энти голенища примерить?
- Да, знаете, раньше не приходилось с ними сталкиваться.
- Не робей! Вмиг научим! Только, чур, уговор такой – показываю один раз. Поэтому, советую ворон не считать. Портянки-то, хоть, умеешь мотать?
- С этим проблем нет!
- Уже лучше. Значится, процесс такой. Первым делом, мотаешь на ногу портянку. Затем обуваешь ботинок. И что мы имеем в итоге?

Рассказывая, старшина ловко проделал все вышеупомянутые операции, так что теперь его вопрос не пропал втуне.

– А имеем мы весьма неприглядную картину. Видишь, насколько портянка из ботинка торчит? И, тем самым, на корню губит облик сознательного бойца Красной армии! Вот для недопущения подобного безобразия нам и требуется обмотка. Берёшь её, родимую, в руку и начинаешь мотать, так, чтобы первый виток прихватил край ботинка. И неторопливо, но уверенно поднимаешься вверх. Сначала витков пять затяни потуже, остальное мотай послабше. Смотри, не переусердствуй, а то голень передавишь. Ну и в конце прихвати обмотку тесёмочкой и готово!

Действительно, наука оказалась нехитрой. А скольким иным, казалось бы незначительным, но оттого не менее необходимым мелочам солдатского быта обучил Брагин вчерашнего школьника! И всё с неизменными прибаутками и дружеским похлопыванием по плечу. Вот и сейчас, перехватив взгляд молодого солдата, старшина подмигнул и поинтересовался:

- Ну что, Санька, привык к военной жизни?
- Так мы ж ещё не воевали!

– И, слава богу. Успеешь пороху нюхнуть. Какие вы молодые – горячие. Всё подвиг норвите совершить. Чай, со школы в Испанию убегал? Или в Шанхай? Тебе небось по духу ближе, а?

Брагин умел, что называется, заглянуть в корень. Действительно, Саша Ли был китайцем. Правда, к Китаю никакого отношения не имевшим. Давным-давно предки его переселились в Россию и осели в окрестностях Ростова. Но если бывшие крестьяне провинции Сычуань думали обрести на новом месте землю обетованную, то они жестоко ошиблись. Рисовые поля сменились на делянки с луком, а в остальном всё осталось по-прежнему. Тот же изнурительный труд от рассвета до заката, полнейшее бесправие, беспросветная нужда.

Вот почему отец Александра с радостью приветствовал большевистскую революцию и без малейших колебаний вступил в ряды Красной армии. Ему хотелось подарить своим детям надежду на новое, светлое будущее. Саше, который тогда ещё не родился, повезло. Отец вернулся с войны целым и невредимым. И, что самое главное, – победителем. Разыскав семью, старший Ли перевёз всех в Батайск, в выделенную новой властью отдельную квартиру. Для влачивших прежде полунисщенское существование китайцев она показалась поистине небесным дворцом. Там, в 1923 году, Саша и появился на свет.

Он был уже человеком новой эпохи. Искренне любил свою родину – великий и могучий Советский Союз. Взрослея, вместе с тысячами таких же ребяташек, ходил сначала в детский сад, потом – в школу. Летом отдыхал в пионерских лагерях. И нигде не чувствовал себя белой вороной.

Особенно нравилось маленькому Саше посещать спортивные секции при городском «Дворце пионеров». Хотя поначалу особых успехов на поприще физкультуры мальчик и не проявлял. Как и большинство китайцев, будучи щуплым и невысоким, он чрезвычайно невыгодно смотрелся на фоне рослых и крепко сложенных сверстников. В коллективных играх был на вторых, а то и третьих ролях, о секции бокса не мог даже и мечтать.

Так продолжалось до тех пор, пока на мальчишку не обратил внимание руководитель кружка японской борьбы Пётр Николаевич Извольский. Бывший поручик царской армии, он сражался ещё на сопках Манчжурии, где был ранен и попал в японский плен. В неволе Петру Николаевичу довелось провести почти целый год. Тогда с пленными обращались сравнительно неплохо. Так что у русского поручика было предостаточно времени для того, чтобы заинтересоваться и познакомиться с азами японской аристократической борьбы джиу-джитсу.

Вернувшись домой, Извольский не оставил своего увлечения. Он регулярно встречался с такими же бывшими военнопленными, интересовавшимися восточными единоборствами, читал специальную литературу, беседовал с изредка приезжавшими в Россию мастерами джиу-джитсу. Особенно в годы Первой мировой войны, когда недавние враги стали неожиданными союзниками. Впрочем, продлился этот альянс весьма недолго. Разразившаяся вскоре иная война – Гражданская вновь разметала Японию и Россию (теперь уже – советскую) по разные стороны баррикад. С тех пор конфронтация никогда не ослабевала.

Сам же Пётр Николаевич не только уцелел в лихую годину, но и закончил войну в роли военспеца Второй конной армии. Выйдя в отставку по состоянию здоровья, он поселился в Батайске и поступил на работу в местный «Дворец пионеров», создав при нём кружок японской борьбы. Именно Извольский рассмотрел в маленьком китайском мальчике будущий талант и привлёк его к своим занятиям. С тех пор Саша Ли стал одним из самых лучших учеников. К сожалению, самому Петру Николаевичу не довелось долго радоваться его успехам. В 1938 году бывший поручик скоропостижно скончался – дало о себе знать давнее отравление газами на германском фронте.

После смерти учителя кружок распался. Однако Саша джиу-джитсу не бросил, продолжая в свободное время заниматься по оставшимся от Извольского рукописным конспектам. И кто знает, каких бы он высот ещё достиг, если бы не начавшаяся война.

Подобно многим призывникам из Северо-Кавказского военного округа, Саша Ли попал в формировавшуюся из местных ресурсов 302-ю горнострелковую дивизию. От обычных стрелковых она выгодно отличалась по целому ряду причин. Во-первых, дивизия была расширенного, четырёхполкового состава, а во-вторых, численность её насчитывала без малого четырнадцать тысяч человек. Единственным недостатком, пожалуй, можно считать только полное отсутствие боевого опыта. Но подобные минусы в то время быстро исправлялись.

В конце октября 1941 года 302-я горная была переброшена на Таманский полуостров, где занялась устройством оборонительных сооружений, а если по-простому – рытьём окопов на побережье. Вскоре одному из её полков – 825-му, довелось принять боевое крещение. Произошло это при следующих обстоятельствах.

Для советских войск, оборонявшихся в Крыму, сложилась исключительно неблагоприятная обстановка. 51-я армия, разваливающаяся под ударами дивизий Манштейна, стремительно откатывалась к Керчи. 12 ноября в город прибыл представитель Ставки ВГК маршал Григорий Иванович Кулик. С ходу вникнув в обстановку, он с горечью убедился, что немцев остановить нечем. Остатки 51-й армии деморализованы, других войск в окрестностях Керчи нет. Для предотвращения неминуемой катастрофы следовало подумать о спешной эвакуации. Нельзя сказать, чтобы это решение далось маршалу легко. Но он его принял под свою личную ответственность.

После чего Кулик распорядился снять с Таманского полуострова 302-ю горную и перебросить под Керчь с целью надёжного прикрытия готовившейся переправы. Вот тогда и довелось шедшему в авангарде дивизии 825-му полку вступить у горы Митридат во встречный бой с прорвавшимися немецкими частями. Дрались новоиспечённые горные стрелки хорошо. Во многом благодаря их мужеству эвакуация остатков личного состава и тяжёлого вооружения 51-й армии прошла успешно.

Саша Ли принять участие в этих событиях не успел. Вместе с очередным пополнением, он влился в ряды другого, 827-го полка дивизии только в конце ноября. К тому времени на фронте наконец наступил долгожданный перелом. Советские войска перешли в контрнаступление под Москвой, Тихвином и Ростовом. Впервые, с начала войны, немцы получили поистине сокрушительный удар. Повсеместно среди наших бойцов царил небывалый энтузиазм. Дождались!

Были охвачены всеобщим подъёмом и солдаты 302-й горнострелковой. Особенно молодые новобранцы, подобные Саше Ли. «Когда ж и нас в бой введут? Сколько можно тут куковать?» – раздавались в раскисших окопах нетерпеливые голоса. И невдомёк им было, что судьба дивизии уже решена в высоких кабинетах.

С середины ноября командование Закавказского фронта, следуя указаниям Ставки, начало разрабатывать план десантной операции на Крымский полуостров. Приоритетными задачами первого этапа были освобождение Керчи и Феодосии войсками 51-й и 44-й армий. В состав десантных подразделений попала и 302-я горнострелковая дивизия. Машина подготовки к наступлению завертелась на полных оборотах.

Вернувшись с совещания в штабе дивизии, командир 827-го полка майор Шариппа ознакомил с планом операции батальонного комиссара Шагиняна и сразу же вызвал на КП капитана Чубарова. Тот не заставил себя ждать.

– Значит, так, капитан, – начал Шариппа, после обмена приветствиями. – Из штаба армии получена директива силами дивизии произвести десант в Керчь. Более того, наш полк пойдёт в первом эшелоне. Однако из-за недостатка переправочных средств высаживаться придётся

по частям. На фоне этого особое значение приобретает отряд первого броска, которому предстоит захватывать плацдарм. Соответственно, сумеет он закрепиться на вражеском берегу – тогда и полк, а за ним и дивизию переправим. Не сумеет – сам понимаешь. Короче говоря, мы тут, с комиссаром, посовещались и решили, что на роль командира передового отряда лучшей кандидатуры, чем ты, не найти.

– Служу Советскому Союзу! – козырнув, отчеканил Чубаров.

– Вольно. Бойцов в отряд отберёшь лично.

– Сколько человек?

– Около трёхсот.

– При выборе людей опирайся, прежде всего, на добровольцев, – вставил реплику комиссар.

– Да, – кивнул майор. – И смотри, чтоб были физически развитые и не очень пожилые.

Следующее. На вооружение отряда возмёшь все имеющиеся в полку автоматы. Их, правда, у нас кот наплакал, но кое-что есть. Остальным выдадим автоматические винтовки Токарева.

– СВТ? – разочарованно протянул Чубаров.

– Они самые. А чем это тебя не устраивает?

– Да я СВТ ещё со времён финской недолюбиваю. Очень уж сильно они нас тогда подводили. На морозе выстрелить больше одного раза невозможно. Потом сплошные осечки идут. Затвор обледеневаает.

– Слышал про такую болезнь полуавтоматов. Но ты, капитан, не переживай. В Крыму тридцатиградусных морозов не предвидится. А при более высокой температуре СВТ работают безотказно. Сам проверял. Впрочем, если хочешь, можешь наряду с Токаревскими винтовками, вооружить солдат карабинами системы 1938 года. Да, и гранат с собой возьмите побольше. Остальное – на твоё усмотрение. Задача ясна?

– Так точно. Разрешите идти?

– Ступай...

Майор Шариппа не ошибся в своём выборе. Капитан сразу же развил бурную деятельность. В числе прочих в состав штурмового отряда он отобрал и Сашу Ли.

– Первый бой? – придиричливо осмотрев новобранца, спросил Чубаров.

– Так точно, товарищ капитан!

– Тогда возьми ты, пожалуй, вот что.

И Чубаров, ловко подцепив из пирамиды кавалерийский карабин системы Мосина 1891/1938, вручил его Саше.

– Только, чур, без обид, – пояснил он. – Автомат или СВТ для новичка штука коварная. Ещё в горячке боя забудешь на одиночные выстрелы поставить, нажмёшь на курок и тр-р-р – магазин пуст. Хорошо, если запасной есть. А с карабином мороки меньше. Выстрелил – подумал, подумал – выстрелил. Никакой враг тебя врасплох не застанет!

Вот так, с шутками и прибаутками, капитан проинструктировал всех бойцов своего отряда. Первоначально, десантирование было назначено на 21 декабря. Однако, из-за принятого немцами второго наступления на Севастополь, сроки эти передвинули на четыре дня. И вот, наконец, «Час Ч» пробил!

Глава 2

25 декабря, в четыре часа дня, в порту Тамани началась погрузка 827-го горнострелкового полка на суда Керченской военно-морской базы – восемь торпедных катеров, два сторожевика и двадцать рыболовецких сейнеров. Совершенно некстати полил холодный проливной дождь. Осторожно шагая по скользким деревянным сходням, Саша Ли старался не думать о том, что ждёт его впереди. Отвратительная погода окончательно испортила настроение напряжённым до предела солдатам. Дождевые капли с шумом барабанили по каскам, тонкими струйками стекая на плечи стёганных ватников, выданных взамен привычных долгополых шинелей.

– Этак мы совсем промокнем! – сказал Саше Виктор Леонов – широкоплечий крепыш, с простым и открытым лицом. – А если ещё и мороз ударит?

– Не горюй, – усмехнулся Ли. – На берегу, пожалуй, жарко будет!

– Наверное, – кивнул Леонов, переводя разговор на другую, по-видимому, горячо интересовавшую его тему. – Слушай, Сань, а ты боишься?

– Не знаю, – пожал плечами тот. – Я отчего-то верю, что нас не убьют.

– Тьфу на вас, окаянные! О чём разговор затеяли! – в сердцах выругался устроившийся по соседству солдат, в котором Саша, с радостным недоумением, сразу узнал Брагина.

– Товарищ старшина! А вы какими судьбами здесь? Ведь в первый эшелон, пожилых, говорили, не брать.

– Должен же кто-то за вами, мокрохлюстами, приглядывать! Для меня, может, товарищ капитан лично исключение сделал. «Дозволяю, потому как ты, мол, Брагин, сурьёзный и ответственный боец!» И машинку, вон, какую выдал. Не чета вашим «трёхлинейкам»!

И старшина с гордостью продемонстрировал Саше и Виктору висевший на груди новенький ППД.

– Ну, отец, – заговорщицки ухмыльнулся Леонов. – С такой артиллерией ты просто обязан сам Керчь взять!

– Вы у меня зубы не скальте! – шутливо погрозил пальцем Брагин. – А лучше и впрямь под боком держитесь. Авось не пропадёте. Я, чай, с четырнадцатого года в окопах вшей колочу!

Наконец погрузка была окончена. Разместившиеся на крохотных судёнышках солдаты терпеливо ждали наступления темноты. Разносившиеся то тут, то там разговоры постепенно затихли, словно притушенные льющимися с небес потоками воды. Ближе к вечеру, по распоряжению политрука Бурцева – комиссара первого отряда, разнесли сухой паёк – хлеб и банки консервов. К еде практически никто не притронулся, а вот прилагавшиеся к ней фляги со спиртом вызвали среди иззябших десантников радостное оживление. Любая возможность согреться шла сейчас в дело.

Тем временем промозглый ветер усилился и, в придачу к проливному дождю начали срываться снежные заряды. Видя серьёзное ухудшение погоды, старший лейтенант Керченской ВМБ Литошенко решил не ждать другие отряды, которые ещё не закончили погрузку, а немедленно выходить в море. В полной темноте флотилия катеров и сейнеров покидала Тамань.

Азовское море встретило их самым настоящим штормом. Ревел ураганный северо-западный ветер, крутые волны заливали палубы. Вдобавок ко всем этим напастям многих пехотинцев стала одолевать морская болезнь. Те, у кого уже не было никаких сил терпеть, рвали прямо себе под ноги. Благо дело, перехлёстывающие через планшир волны смывали всё начисто.

К побережью Керченского полуострова отряд Литошенко добрался ранним утром следующего дня. Поскольку торпедные катера, сбросившие флотский десант у Старого Карантина, попали под жесточайший обстрел немцев, то старший лейтенант приказал идти к резервному пункту высадки – Камыш-Бурунской косе. Первыми, к её пологим берегам устремились четыре

сейнера со штурмовой группой капитана Чубарова. Однако вплотную приткнуться к берегу они не смогли.

– За мной, ребята! – выдернув из кобуры угловатый «маузер», закричал командир и, показывая личный пример, первым прыгнул за борт, погрузившись по пояс в кипящую воду. – За Родину!

– Ур-р-ра!!! – взревели солдаты и с винтовками наперевес посыпались с сейнеров.

Немцы пока огня не открывали. Крепко сжимая карабин в обеих руках, Саша Ли выскочил на пляж, в горячке не обращая внимания на промокшие ноги. Под подошвами ботинок с хрустом ломалась ледяная корка, сковавшая прибрежный песок. В ушах частыми толчками гулко стучала кровь. Пробежав несколько десятков метров, Саша упал за дюну, поросшую камышом, и огляделся. Рядом, вздымая тучи песка, бухнулся Леонов. По разгорячённому лицу его стекали струйки пота.

– Ну вот, я же говорил, что жарко будет! – отдышавшись, пошутил Саша.

Витька открыл было рот, но тут же закрыл его, поскольку откуда-то спереди донёсся голос Чубарова:

– Давай, давай! Нужно захватить пристань, пока они не опомнились!

Подстёгнутые этой командой, молодые бойцы вскочили на ноги.

– Подождите, хлопчики! Не бегите так шибко! А то я за вами не поспеваю! – рысью подбежал к ним запыхавшийся Брагин.

– Скорей, батя! – подмигнул Саше Леонов. – А то Керчь без твоей пушки возьмём!

Операция развивалась успешно. Воспользовавшись растерянностью противника, штурмовой отряд сумел быстро занять пристань судоремонтного завода. По сигналу капитана Чубарова – красной ракете – прямо к ней подошли суда с основными силами 827-го горнострелкового полка. Плацдарм на берегу расширялся. Только тут немцы опомнились (а может – подтянули резервы) и открыли шквальный огонь из пушек и миномётов.

С пронзительным, леденящим душу свистом, первые снаряды начали рваться на берегу, взмётывая к небу фонтаны перемешанного с чёрным дымом песка. Как Саша ни ждал этого момента, он невольно замер на месте, замороженно глядя на страшную симфонию смерти.

– Чего рот раззявил? Пригнись! – сердито стукнул Ли кулаком по каске Брагин.

Очнувшись от наваждения, Саша кубарем скатился в заблаговременно отрытый окопчик.

– Перезаряди, – посоветовал старшина. – Сейчас они попрут.

Усиление активности немцев не ускользнуло от нашего командования. Следуя указаниям своих корректировщиков, с берегов Тамани открыл огонь корпусный арtpолк. Со стороны моря коротко затакали орудия наших сторожевиков. Тем не менее немецкая пехота пошла в атаку.

Заметив приближающиеся короткими перебежками фигуры в серых шинелях, Саша лихорадочно припал к прицелу.

– Не торопись! – осадил его старшина. – Нехай они поближе подойдут.

Больше он ничего не успел сказать, потому что пулемётная очередь, прошившая бруствер окопчика, заставила обоих инстинктивно припасть к земле.

– Тьфу, сволочи! Все очи заporошили! Давай, Санька, зададим им жару!

Остальные слова старшины потонули в какофонии боя. Испытывая странный мандраж, Саша ловил на мушку перебежавших немцев и механически жал на курок. Рядом, скупыми очередями огрызался автомат старшины. Чуть поодаль нестерпимо грохотал наш ПД. Вокруг продолжали рваться немецкие мины и снаряды, истошно орали раненые, кто-то звал санитаря.

Оборону на плацдарме возглавил майор Шариппа. Но не успел он прийти в передовые окопы, как пуля немецкого снайпера сразила отважного майора. Командование принял комиссар Шагинян.

– Соедини меня с комдивом, – приказал он связисту.

– Здравия желаю, товарищ полковник. У аппарата – батальонный комиссар Шагинян. Командир полка убит. Обстановка напряжённая, но, думаю, выстоим. Ждать ли ещё сегодня подкреплений?

– Держись, комиссар! – сквозь треск помех донёсся голос полковника Зубкова. – Без помощи не останетесь. Основные силы дивизии планируем переправить завтра, а пока к вашему плацдарму направляем третий десантный отряд. Ждите, морячки обещали скоро управиться!

Корабли третьего десантного отряда подошли к Камыш-Буруну под непрерывной бомбёжкой самолётов противника, около часа дня. Ставившие дымовые завесы юркие торпедные катера оказались бессильны. От прямого попадания авиабомбы одна из барж затонула, а оружие люди оказались в ледяной воде. Те из них, у кого ещё были силы, поплыли к берегу. Всего, с третьим отрядом, на плацдарм прибыли немногим более пятисот десантников. Но и они сумели внести свою лепту в оборону.

К концу дня Шагинян подвёл предварительные итоги. С учётом трёх волн десанта под его командованием оказались две тысячи сто семьдесят пять человек. Практически все они были из 827-го полка.

На следующее утро шторм настолько усилился, что ни о какой отправки подкреплений не могло быть и речи. Однако и немцы, несмотря на постоянные атаки, сбросить десант в море не могли. Основная их группировка находилась у Севастополя, а на Керченском полуострове помимо плацдарма у Камыш-Буруна советские войска высадились ещё и у мысов Зюк, Тархан и Хрони.

Для Саша Ли весь день 27 декабря спрессовался в сплошной звеняще-лязгающе-грохочущий клубок. Он бежал, стрелял, бросал гранаты, пел, матерился. Столкнувшись в одном окопе с Леоновым, они поначалу не узнали друг друга и от неожиданности рассмеялись. Оба чумазые, закопчённые, полуоглохшие. У Витьки на скуле багровела запёкшаяся царапина – след от осколка. Саша был пока цел и невредим. Лишь однажды вражеская пуля вырвала клочок ватника у него на плече да близким разрывом бомбы откинуло в сторону.

Другим везло не так сильно. Хуже всего приходилось тяжелораненым. Их попросту некуда было эвакуировать. Легкораненые после перевязки сами становились в строй. Люди прекрасно понимали, что если некому будет держать оружие, то их попросту сметут.

Помимо вражеского огня десантники страдали от холода и невозможности обсушиться. На простреливаемом насквозь плацдарме негде было развести огонь, не привлекая внимания противника. Другим врагом, хотя и не таким серьёзным, был песок. Казалось, он проникал повсюду – сыпался в голенища, попадал за шиворот, хрустел на зубах. Но солдаты держались.

Помогала им в этом и погода. Бушевавший весь день шторм, к вечеру утих. Сразу же в портах Тамани закипела лихорадочная работа по подготовке очередных подкреплений. К утру 28 декабря корабли Керченской военно-морской базы сумели доставить к Камыш-Буруну основные силы 302-й горнострелковой дивизии. Теперь власть на плацдарме крепко взял в свои руки полковник Зубков – громогласный, розовощёкий здоровяк.

– Молодец, комиссар! – пророкотал он, крепко обнимая измученного Шагиняна. – Хвалю! Завтра же пошлю на тебя представление в штаб армии. Да и люди твои – герои. Приготовь списки отличившихся. Спасибо за удержанный плацдарм! Ну а мы, пожалуй, попробуем наступать!

Основания для подобного оптимизма у полковника были. Число бойцов, сконцентрированных под его командованием, уже превысило одиннадцать тысяч человек. И это, не считая тяжёлого вооружения! Ощутимая сила. Кроме того, в течение дня Зубков получил совершенно неожиданное подспорье.

В ночь с 28 на 29 декабря к пристани Камыш-Буруна подошли корабли Черноморского флота и начали высадку солдат 105-го отдельного горнострелкового полка. По первоначальному плану операции они должны были действовать на самостоятельном плацдарме в рай-

оне горы Опук. Однако из-за ухудшения погоды и несогласованности действий командования десантироваться там не удалось. В конце концов, многострадальный отряд был перенаправлен на плацдарм 302-й горнострелковой дивизии. Полковник Зубков сразу подчинил вновьприбывшие части себе.

– Так мы же из другой армии! – вяло оправдывались командиры десантников.

– Что?! – крутнулся на каблуках полковник. – Это у горы Опук вы были бы из сорок четвёртой армии, а здесь – из нашей, пятьдесят первой!

На следующий день, дивизия начала наступление в направлении деревни Султановки. Сопротивление немцев значительно ослабло, а потом и вовсе прекратилось. По всему фронту противник откатывался с полуострова. Вовремя установив это, Михаил Константинович Зубков организовал энергичное преследование и 30 декабря 302-я горнострелковая вступила в освобождённую Керчь.

На первых порах Саша Ли даже не осознал значительности момента. Вместе с Витькой Леоновым и старшиной Брагиным они устало брели, в походной колонне по разбитому снегу, когда впереди показались зияющие чёрными бельмами окон полуразрушенные городские дома. На улицу высыпала радостно гомонящая толпа местных жителей, а на одном из зданий горделиво полоскался ярко-алый стяг.

– Санька! – протерев глаза, во весь голос заорал Леонов. – Керчь наша!!! Ура!

Сильным толчком он сшиб Ли в придорожный сугроб и сел на него сверху. Извернувшись, тот ловко перебросил Леонова через голову, и оба принялись, в обнимку, кататься по земле, восторженно крича и обсыпая друг друга пригоршнями снега. Взглянув на молодёжь, Брагин улыбнулся и украдкой смахнул набежавшую слезу. То тут, то там солдаты палили из всех стволов в воздух.

Наступление продолжалось.

Глава 3

Надо, впрочем, заметить, что Саше Ли немногим ранее Керченского десанта уже доводилось принимать участие в другой весьма ответственной боевой операции. Произошло это следующим образом. Ещё в октябре месяце, когда он находился в запасном стрелковом полку в Ростове, туда же прибыли катера и материальная часть только недавно сформированного в Москве 14-го отряда водного заграждения. То было весьма любопытное соединение, возглавляемое легендарным впоследствии майором Цезарем Львовичем Куниковым. На укомплектование 14-го ОВЗ шли мотористы, водолазы и другие специалисты довоенного ОСВОДа («Общество спасения на водах»). Из фондов этой же организации взяли и двадцать один катер – деревянные небронированные полуглиссера НКЛ и ЗИС, на скорую руку вооруженные авиационными и станковыми пулеметами. Куников планировал установить на них ещё и ротные минометы калибра 50 мм, но времени для этого уже не оставалось. Отряд отправился на фронт 12 сентября 1941 года. Первоначально его планировали использовать на Днепре, однако уже в пути колонну грузовиков, нагруженных катерами, минометами и иным имуществом, перенаправили в Ростов-на-Дону. Там, в далеке не всегда спокойных водах мелководного Азовского моря, и начались боевые будни 14-го ОВЗ.

Действовал отряд в основном по ночам. Да и было бы странно ожидать иного от крошечных деревянных судёнышек, способных пострадать даже от винтовочного огня противника. Поэтому, вполне естественно, у подопечных Куникова возникла потребность в опытных лоцманах, хорошо знавших здешние фарватеры. А где их взять, кроме, как не среди капитанов, шкиперов и других заслуженных работников водного транспорта? Среди прочих обратились и к Ивану Ивановичу Ли. Отчество, впрочем, у отца Саши было ненастоящим. Его старший Ли для пущего удобства взял в бурные революционные годы. Тогда многие представители национальных меньшинств меняли свои имена и фамилии на исконно русские. Так вот Иван Иванович, когда к нему обратились с предложением сопровождать катера 14-го ОВЗ в нескольких ночных операциях, решил немного схитрить. Как и все отцы, он отчаянно переживал за судьбу своего первенца Саши, добровольцем попросившегося на фронт и сейчас проходившего обучение в запасном стрелковом полку. Оттого и казалось Ивану Ивановичу, что страшнее пехоты нету войск на белом свете. Он словно напрочь забыл те горячие денёчки, когда, во время Гражданской войны, сам геройски сражался в рядах красноармейского китайского отряда! Но тогда, как известно, и трава была зеленее, и деревья выше, и люди иные.

Увидев в предложении майора свой единственный шанс, старший Ли тотчас сослался на внезапно приключившуюся болезнь, однако прибавил при этом, что у него есть сын, который тоже хорошо знает донские гирла, да и к тому же посещал занятия при местном яхт-клубе. И это была чистейшая правда. Саша действительно на каникулах частенько ходил с отцом по Азовскому морю. Да и яхт-клубы, как ни аристократически звучало это название, в послереволюционной России тоже были. И в Ростове, и в Таганроге. И к занятиям в них привлекались многие ребяташки.

Понять дальнейший ход мысли отца Саши было несложно. Сходит парень с катерами пару раз в море, а там, глядишь, в отряде и приживется. Всё не в окопе вшей кормить и с гранатой под танк не кидаться! Вот только все хитроумные комбинации старшего Ли, в конечном итоге, разбились о непоколебимый патриотический энтузиазм самого Саши. Но это случилось чуть позже. Пока же майор Куников, вместе со своим начальником штаба лейтенантом Богословским, обратились к командованию вышеупомянутого запасного стрелкового полка с просьбой откомандировать рядового Александра Ли для выполнения важного правительственного задания. Там особых причин для отказа не нашли. И вскоре Александр в выданном со склада новом комплекте хлопчатобумажного обмундирования явился в распоряжение отряда.

Готовившаяся операция, для проведения которой и требовался опытный лоцман, и в самом деле имела большое значение. Во время эвакуации занятого немцами Таганрога села на мель и переломилась поврежденная огнем противника канонерская лодка «Кренкель». На её борту помимо раненого командира Ейской военно-морской базы капитана 1-го ранга С.Ф. Белоусова оставался и весь запас денег, вывозимых из местного банка. Требовалось предпринять срочные меры для их спасения. Однако крупные корабли не могли подойти к находившейся под непрерывным обстрелом с берега канлодке ни днем ни ночью. Поэтому, задача эта и была возложена на два катера 14-го ОВЗ под общим командованием лейтенанта Вениамина Сергеевича Богословского.

В море из судоходного русла Дона вышли поздним вечером 17 октября. Невзирая на кромешную тьму, северный берег залива освещало яркое зарево – Таганрог горел. Соответственно, для того, чтобы незамеченными подойти к городу, требовалось особое мастерство и умение маневрировать. Плюс ко всему акватория порта была загромождена потопленными судами. Где-то здесь, в условленном месте, на дне лежали и яхты Таганрогского яхт-клуба. Их, не дожидаясь прихода немцев, затопили сами владельцы, рассчитывая поднять и отремонтировать после войны.

Едва катера подошли поближе к еле возвышавшемуся над водой корпусу «Кренкеля», как с них вдруг заметили небольшую гребную шлюпку, направляющуюся к выходу из порта. Два гребца, отчаянно налегая на весла, очевидно, стремились поскорее выйти в море. С берега по ним тотчас открыли огонь немецкие танки. И, надо признать, стреляли они неплохо. После двух пристрелочных третий снаряд угодил прямо в шлюпку. Получилась классическая «вилка».

– Ну, всё. Амба, – похоронным тоном констатировал Богословский.

Тем не менее он распорядился, для очистки совести, идти к месту катастрофы. В темной воде, среди кружащихся обломков шлюпки, катерники заметили беспомощно барахтавшегося человека. Второго нигде не наблюдалось. Похоже, немецкий снаряд нашел-таки себе жертву. Да и уцелевший гребец, судя по всему, тоже был ранен.

– Кто вы? – немедленно поинтересовался лейтенант, едва шипящего от боли человека вытащили на палубу полуглиссера.

– Первый секретарь горкома, – еле слышно ответил тот и потерял сознание.

Присвистнув, Богословский приказал приписанному к отряду врачу не мешкая заняться спасенным. Теперь следовало подумать и о выполнении основной части задания. Тихонько подрабатывая моторами, катера подошли к канонерской лодке с таким расчетом, чтобы зарево пожаров постоянно скрывало их от находившихся на берегу немцев. Сашу, стоявшего возле рулевого, всё время била какая-то нервная дрожь. То ли от промозглой октябрьской ночи, то ли от вполне понятного волнения. К привычному с детства запаху сырости и водорослей сейчас примешивались и другие. Прежде всего – удушливый, перебивавший всё чад от горевшего мазута, краски и раскаленного металла. Ну и доносившаяся даже сюда едкая вонь пороховых газов.

Осторожно, стараясь не шуметь, катерники причалили к возвышавшимся над волнами надстройкам «Кренкеля». Хорошо хоть, что канонерская лодка стояла на ровном киле. Первым делом проникшие внутрь бойцы перенесли в импровизированный лазарет раненого капитана 1-го ранга Белоусова. Затем, принялись таскать увесистые ящики с деньгами. Между тем освобожденный от погрузки Саша со всевозрастающим беспокойством наблюдал за морем. Там, судя по барашкам на волнах, начинал разыгрываться шторм. И довольно приличный – балла в четыре.

– Этого нам ещё не хватало, для полного счастья! – в сердцах, выругался доморощенный «лоцман».

– А что такое? – любопытствовал поминутно смотрящий, то на небо, то на часы Богословский.

– Так шторм начинается! Вон какие барашки на волнах появились!

– Тю! Какой же может быть шторм на «море-блюдец»? Так, буря в стакане воды!

– Э-э-э, не скажите! Тем Азовское море и опасно, что оно мелководно. Волнение здесь разводится неслабое! Впрочем, что я говорю? Скоро сами в этом убедитесь.

– Тут ты прав на все сто. Шторм не шторм, а уходить нам надо. Оставаться до рассвета у берега – смерти подобно. Если не от волн, то от немецких снарядов точно потонем. А они, сволочи, стреляют метко! Шлюпку председателя горкома вон под орех разделали!

Обратный путь и впрямь проходил трудно. Бесперывно заливаемые водой суденышки, неистово раскачиваясь с борта на борт, тяжело взбирались на гребни волн. Пронзительно свистел ветер. И не будь на катерах надежно обученных экипажей, не понаслышке знакомых с морской службой, то ещё неизвестно, как могло бы всё закончиться. Свою роль, разумеется, сыграли и некоторые Сашины советы. Так что он ничуть не подкачал и вполне мог бы закрепиться в составе 14-го ОВЗ. Если бы прилагал к этому хоть малейшие усилия. Но – не случилось. Невзирая на тайную надежду отца, на катерах Саша служить не захотел. Ну, скажите на милость, что это за задание? Сходили под покровом ночи через залив, привезли груз и раненых. Почти тыловая работа. Даже под обстрелом немецким не довелось побывать! стыдно потом после такого и товарищам в глаза смотреть! Они же собирались родину с оружием в руках защищать. Оттого и в военкомат добровольцами бежали.

Одним словом, выпросился Саша обратно в свой запасной стрелковый полк. А там в конце ноября и сам 14-й ОВЗ расформировали, а уцелевших бойцов Куникова напрямик направили в морскую пехоту. В общем, ещё неизвестно, что лучше для нашего героя оказалось. «Черную смерть» обычно, в самое пекло бросали. Типа, общеизвестной эпопеи пресловутой Малой земли. Не лучше пришлось и тем, кто остался на кораблях. В мае следующего 1942 года, после разгрома Крымского фронта, им пришлось собственноручно взрывать их в порту Темрюка. Немногим тогда удалось вырваться из превратившегося вдруг в мышеловку Азовского моря. Пожалуй, только речному монитору «Железняков», за тот беспримерный переход прозванному «мертвым кораблем». Название очень меткое и верно передающее суть дела. Имевший чрезвычайно малую осадку монитор искусно маскировался среди мачт и надстроек забивших Керченский пролив потопленных судов. Иногда киль его скрежетал по дымовым трубам лежавших на дне собратьев, и тогда у всех, находившихся на борту в буквальном смысле мороз продирали по коже. Когда же «Железняков» попадал в лучи немецких прожекторов, то немедленно стопорил ход, и у вражеских наблюдателей складывалась полная иллюзия, что они имеют дело с очередными обломками. И все-таки без жертв обойтись не удалось. На самом выходе из пролива монитор был обстрелян немцами, однако сумел прорваться в Черное море. Другим повезло меньше.

И, вполне возможно, старший Ли, сам того не желая, мог своими благими намерениями вымостить сыну дорогу напрямик в ад. Или на тот свет, как минимум. Но тут уж ничего определенного сказать нельзя. Произошло всё так, как произошло...

Ретроспектива № 2

Как-то раз, после того, как я стал частенько бывать в гостях у дяди Саши, он, сидя на своей маленькой кухоньке, высказал мне одну очень интересную мысль:

– По-моему, в каком-то романе Юрия Трифонова говорилось, что судьба человеческая подобна песчинке. В спокойные времена и она лежит спокойно, но зато в эпоху глобальных потрясений её, зачастую помимо собственной воли, подхватывает и несёт куда-то неумолимым историческим водоворотом. Да и в самом деле? Способны ли мы сами решать хоть что-нибудь в своей жизни? Не знаю. Иногда кажется, что всё зависит от различных мелких случайностей. Взять, к примеру, меня. Если бы не одна примечательная встреча, то, наверное, так бы и остался я бойцом 302-й горнострелковой дивизии и, возможно, сложил бы голову при разгроме Крымского фронта. Или где-нибудь под Сталинградом. А может, напротив, и до Берлина бы дошёл! Судить не мне...

Глава 4

После удачной Керченско-Феодосийской десантной операции на полуострове установилось некоторое затишье. Саша, пользуясь моментом, в любое свободное время, находил укромное местечко и, дабы не растерять былую форму, отрабатывал приемы джиу-джитсу. И надо же такому случиться, что невольным свидетелем одной из этих тренировок стал сам член Военного совета 51-й армии корпусной комиссар Андрей Семенович Николаев. Оставив полагающийся ему по штату газик, он в задумчивости прогуливался по зимней степи и за одним из пригорков в буквальном смысле наткнулся на разминающегося Сашу.

– Ого! Вот это номер! Прямо цирк японской борьбы в одном лице. Подойди-ка сюда, боец.

– Здравия желаю, товарищ корпусной комиссар! Рядовой Ли по вашему приказанию явился!

– Китаец, что ли?

– Так точно!

– Вольно. А скажи, рядовой Ли, ты китайским языком владеешь?

– Да. Дома только на нем и разговаривали.

– Хорошо. А ещё какой-нибудь иностранный язык знаешь? Немецкий, там, к примеру...

– Нет. Немецким, к сожалению, не владею. Только голландским.

– Ты, боец, либо издеваешься?!

– Никак нет, товарищ корпусной комиссар! В тридцать третьем году, когда голод сильный был, отец с матерью, спасаясь от бескормицы, подались в Саратовскую область. Ну и меня с собой взяли. А жили мы там в колонке Брабандер у семьи Шельтинга – потомков голландских переселенцев. У них я языку и научился, с детьми хозяйскими общаюсь!

– Хм. Если не врешь, то и впрямь какой-то уникам получаешься! Возьму-ка я тебя на заметку, мил-человек!

И тем же вечером Николаев позвонил в Москву, своему знакомому полковнику госбезопасности.

– Здорово, Лев Лукич!

– Привет, Андрей Семенович. Ты по делу или как?

– По делу, Лев Лукич, по делу. Слыхал я, что вы там, в своем ОМСБОНе, всяких иностранцев, да спортсменов собираете?

– Есть такое. Правильные у тебя сведения, Андрей Семенович!

– Так вот. Появился у меня, тут, один человек. Как раз, для вашей организации!

– Да? А описать в двух словах можешь?

– Разумеется! Для этого и звоню.

И комиссар коротко пересказал Льву Лукичу всё, что услышал от Саши. И узнал из сопутствующих документов, разумеется.

– Хм, – после короткой паузы откликнулся полковник. – Действительно, феномен. Впрочем, для начала, стоит, конечно, проверить, так ли он хорош на самом деле. Вот что, Андрей Семенович. Соответствующее предписание в ваш штаб я сегодня вышлю, а ты поставь, пожалуйста, Львова в известность и постарайся, ближайшим самолетом, переправить этого Ли в Москву. Да смотри, не тяни! Время не ждет.

– Будет исполнено!

Вот так, совершенно неожиданно для себя и толком не попрощавшись с товарищами, Саша и очутился в уединённом здании за высоким забором, расположенном в окрестностях столичной станции Лосиноостровская. Долго церемониться здесь не любили. Показав, где оставить вещи и верхнюю одежду, Сашу, первым делом, повели в спортзал. Там, на постелен-

ных на полу матах, уже разминался коренастый светловолосый крепыш в расстёгнутой гимнастерке с нашивками старшего лейтенанта.

– Присоединяйся, – заметив вошедшего, приглашающе махнул он рукой. – Приказано погонять тебя по полной программе. Самбо, конечно, не джиу-джитсу, но общего у них, думаю, много.

Пожав плечами, Саша, подобно лейтенанту, расстегнул ворот гимнастерки, снял ремень и разулся, предварительно распустив длинные ленты обмоток. Потом шагнул на мат. Встав лицом к лицу, поединщики церемонно поклонились друг другу и замерли. Но ненадолго.

Первым атаковал лейтенант. Саша, следуя концепции джиу-джитсу, предпочитал работать вторым номером, оценивая возможности противника. Тот оказался весьма опасным единоборцем. Во-первых, лейтенант был выше и физически мощнее и, похоже, отлично знал приемы боевого самбо. К его слабым местам, похоже, относилась лишь излишняя прямолинейность. Выручало Сашу ещё и то, что самбо, как ни крути, многое позаимствовало от дзюдо, которое, в свою очередь, отпочковалось от джиу-джитсу. Значит, Америку открывать не придется. Базовые комплексы во всех трех стилях одинаковы. До поры до времени, Саша оборонялся, а потом молниеносно поймал противника на контратаке и провёл удушающий прием.

– Сдаюсь! – прохрипел старший лейтенант и сел на мат.

Впрочем, он умел достойно проигрывать.

– А ты молодец! – отдышавшись, хлопнул «инструктор» Сашу по плечу. – Ловко меня сделал!

Следующим пунктом программы оказалась большая, похожая на учебную, аудитория, где сидели два интеллигентных старичка. С виду – типичнейшие университетские профессора. Таковыми они, впрочем, и оказались. И повели почтенные старцы с Сашей душевную беседу. Один на китайском, а другой – на нидерландском языке! Александр, ну никак не ожидавший подобного, аж взмок, с непривычки. Но проверку, видимо, выдержал. По крайней мере, профессора, прощаясь с ним, улыбались благосклонно.

И наконец, венцом столь напряженного дня стал визит в кабинет Льва Лукича. Полковник, сидя за своим столом, радостно потирал руки, не скрывая своего удовлетворения.

– Так вот ты какой, Саша Ли! Настоящий молодец! Отзывы, не скрою, о тебе самые благоприятные. А раз так, то будем работать вместе. Настоящая подготовка начнется завтра, а пока ступай, отдыхай. Комнату тебе твою покажут, в столовую проводят. Ну и с распорядком, разумеется, ознакомят. Часть у нас, сам видишь, секретная. Так что о возвращении на фронт можешь не заикаться. Раз сюда попал, значит, Родине здесь ты нужнее. У нас абы кого не держат! Всё понятно?

– Так точно!

– Вот и славно. Можешь быть свободен...

А сам Лев Лукич, собрав лежавшие на столе документы, отправился к начальнику Четвертого управления генерал-майору Судоплатову.

– Здравия желаю, Павел Анатольевич! Я по поводу вчерашнего разговора.

– Заходи, Лев Лукич, присаживайся. Что, прибыл-таки, ваш феномен?

– Да. И операция под него уже родилась. Экспромтом, так сказать!

– Ну-ка, ну-ка. Рассказывай.

– Хочу внедрить его в голландскую колониальную армию. В Юго-Восточной Азии как раз война с японцами началась, и свой человек, по-моему, будет там не лишним.

– А не слишком ли ты всё усложняешь, Лев Лукич? К чему такие дебри? Не проще ли использовать его в качестве нелегала в той же Маньчжурии?

– Нет, Павел Анатольевич. На Дальнем Востоке у нас имеется своя, хорошо отлаженная агентурная сеть. Да и, с другой стороны, грех упускать такую возможность! Способности у парня действительно выдающиеся. Один голландский язык чего стоит. И на хорошем уровне!

А китайцев в Нидерландской Индии проживает предостаточно. Так что проблем с внедрением, полагаю, возникнуть не должно. К тому же голландцы ведут войну с японцами в составе коалиции. А значит, может появиться возможность ознакомиться с последними техническими новинками армий США и Великобритании. Единственный минус – это время. По оценке генерал-лейтенанта Чуйкова, нашего военного советника в Китае, активная фаза войны на островах Тихого океана продлится не очень долго. Голландская армия малочисленна, а оборонять ей придется обширнейшую территорию. Японцы же, напротив, владея наступательной инициативой, могут диктовать свою волю, концентрируя силы и средства на выбранных ими направлениях. Следовательно, надо максимально ускорить процесс подготовки Ли к заброске.

– И за сколько же вы планируете управиться?

– Судите сами. В конце января – начале февраля ему уже надлежит быть во Владивостоке, откуда пойдет в Сурабаю очередной наш торговый рейс. При условии, что Ли мы отправим на Дальний Восток самолетом, то на подготовку к операции остаётся максимум пара недель. Придется работать форсированными темпами.

– Да вы с ума сошли! Это же явная авантюра! Разве можно подготовить полноценного агента за столь короткий срок?!

– Вполне. Его-то и обучать особо не нужно. Так, разве только азам агентурной работы.

– А минно-подрывное дело?

– Это ему не нужно. Нам же ни диверсант-подрывник требуется!

– А огневой бой?

– Необходимые азы он получит уже на фронте. Причем в боевых условиях. Да и, по легенде, для поступающего в армию новобранца знать абсолютно все виды стрелкового оружия вовсе не обязательно.

– Но хоть чему-то вы планируете его обучать?

– А как же! Помимо основ конспирации ещё поднатаскаем в языке и рукопашном бое. Ну и, самое главное, ознакомим с политической и повседневной жизнью в самой Нидерландской Индии. Как зовут королеву, генерал-губернатора, министров, какие существуют праздники, обычаи, обращения и так далее. Ему же предстоит играть роль уроженца тех мест. Хотя кое-какие недочеты вполне можно будет списать на плохое знание голландского языка, что для китайца вполне позволительно.

– Не скажу, что вы убедили меня на все сто процентов, Лев Лукич, но работайте. Как планируете назвать операцию?

– «Инсулинда», Павел Анатольевич.

– Хм. Звучит красиво. А что это значит?

– Так иногда ещё называют голландские колонии в Юго-Восточной Азии.

– Согласен. Пусть так и будет...

И начались для Саши Ли горячие денёчки. Ежедневно, по часу занятий в спортзале, а всё остальное время – лекции, лекции, лекции. Причём курс политической географии нидерландских колоний преподавал давешний профессор, да ещё и на голландском языке. Голова, казалось, трещала от непрерывного потока знаний. Однако Саша терпел, понимая, что так нужно для пользы дела. Перед самым отлётом во Владивосток последний инструктаж с ним провёл непосредственно Лев Лукич:

– Так, давай повторим ещё раз. В Сурабае сойдешь на берег под видом китайца, подбранного в море с потопленной японцами рыболовецкой джонки. Назовешься уроженцем Борнео. Или, как вариант, любого другого, достаточно захолустного побережья. Ну и постарайся завербоваться в армию. Там сейчас не до жиру. Берут любых, без особых проверок. Пароль для связи с представителями нашего торгпредства ты знаешь. Они будут предупреждены. Если на Яву попасть не удастся, то постарайся высадиться на какой-нибудь другой крупный остров Индонезии и дальше действуй по той же схеме. Правда, со связью тогда могут возникнуть про-

блемы, но, думаю, рано или поздно, но в Сурабаю или Батавию ты все равно попадешь. Как-никак – столица. В случае же совсем неблагоприятного развития военной ситуации пароход для безопасности экипажа пойдет не на Яву, а напрямик в Австралию. Оттуда тебе придется переправляться на острова самостоятельно. Необходимые средства возьмешь в корабельной кассе. И, дабы исключить всякие непредвиденные случайности, вот тебе ещё пароль для связи с нашим консульством в Канберре. Их мы тоже оповестим. Ну, вроде предусмотрели всё. Удачи тебе, сынок!

– Спасибо, товарищ полковник!

Глава 5

Однако когда в середине февраля 1942 года пароход «Леонид Петровский» наконец добрался до Индонезии, ситуация кардинальным образом изменилась. Японцы согласно своей доктрине наступали «по всем азимутам», превратив архипелаги Юго-Восточной Азии в бурлящий и клокочущий котел. Уже пали острова Таракан и Амбон, бои шли на Суматре, Борнео и Целебесе. Ява пока ещё не подвергалась вторжению, но было ясно, что очередь её не за горами. В такой обстановке идти в превратившееся в театр ожесточенных военных действий Яванское море граничило с безумием. Японские летчики и подводники с превеликой охотой топили не только суда противостоявших им союзников, но и вообще все любые, подвернувшиеся им по руку плавсредства. В том числе и корабли нейтральных стран. Печальная участь «Майкопа» и «Перекопа» – яркое тому подтверждение.

Поэтому после радиопереговоров с пароходством капитан Денисов получил разрешение вместо Сурабаи, перенаправить «Петровский» в австралийский Дарвин. Идти туда пришлось по непривычному маршруту, огибая Новую Гвинею с запада и стараясь держаться подальше от зоны боевых действий. Но укрыться от войны не удалось и здесь. Когда «Петровский» вошел в Арафурское море, стало известно о сокрушительной бомбардировке Дарвина японской авиацией 19 февраля. Город был практически стерт с лица земли. Ни о каких погрузочно-разгрузочных операциях не могло идти и речи. Следовало, через Торресов пролив, выходить в океан и спускаться дальше к югу – в Брисбен или Ньюкасл.

Впрочем, у капитана Денисова, помимо официальной, имелась ещё и секретная миссия, связанная, как мы помним, с заданием Александра Ли. В связи с чем перед тем, как лечь на новый курс, он распорядился вызвать радиостанцию Мерауке – маленького городка, затерявшегося в джунглях юго-западного побережья Нидерландской Новой Гвинеи. Он всё ещё находился в голландских руках. Плюс там имелся небольшой гарнизон KNIL (Королевской Нидерландско-Индийской армии.) То, что нужно.

– Пароход «Петровский» вызывает Мерауке, приём.

– Слушаю вас, «Петровский».

– Следовал с грузом в Дарвин, но сейчас, в связи с изменением обстановки, меняю курс. Имею на борту подобранный в море человека – подданного королевства Нидерландов. Прошу помочь эвакуировать его на берег.

– Вас понял. Высылаем патрульное судно.

Через несколько часов томительного ожидания, на горизонте показался отчаянно дымивший моторный бот «Паулюс», за неимением иного использовавшийся местными властями, что называется «на все руки». После соблюдения необходимых формальностей Саша Ли сердечно распрощался с посвященными в его тайну капитаном и замполитом «Петровского» и с бющимся сердцем переступил на качающуюся палубу патрульного бота. Представителям голландской администрации новоиспеченный агент повторил заранее подготовленную легенду. Мол, зовут его Тан Ли (Tan Lee), китаец. Жил в небольшой рыбацкой деревушке на острове Амбон. После занятия его японцами бежал в море на парусном каноэ, где и был подобран советскими моряками. Сейчас же хочет вступить в ряды голландской армии, чтобы отомстить японским захватчикам.

– Вот как? Похвальное желание! – явно обрадовался командир местного гарнизона первый лейтенант пехоты Эвертс. – Солдаты нам нужны. Особенно в свете недавнего приказа о наборе в милиционное ополчение всех желающих, из местного населения. Так что – добро пожаловать! Королева нуждается в тебе!

Вот так Саша Ли и стал солдатом милиционного ополчения KNIL «Стамбукнуммер 189 371». Дело знакомое! Тем более что обмундирование голландских колониальных войск нена-

много отличалось от привычного ему советского. Только цвет был чуть иной – серо-зеленый. А так – почти одно и то же. Брюки, гимнастерка, нательное белье, ну и неизменные ботинки с обмотками. Саша невольно улыбнулся, вспомнив, как старшина Брагин учил его правильно мотать эти длинные матерчатые «голенища». Вместо полагавшейся по штату стальной каски с пристегивающимся брезентовым назатыльником ополченцы на Новой Гвинее предпочитали носить пилотки или широкополые шляпы. Из оружия же Александру досталась австрийская винтовка системы Манлихера модели 1895 года, массово использовавшаяся в пехотных частях KNIL. И потянулись его неспешные гарнизонные будни.

Сам Мерауке представлял собой живописное сборище крытых пальмовыми листьями домишек, рассыпавшихся вдоль впадавшей в море реки Маро. Из более или менее значительных строений здесь можно было отметить небольшую деревянную церковь, здание католической миссии, полицейский пост, школу и дом местного контролера. Окружающее туземное население состояло из различных папуасских племен, по преимуществу – каннибалов и охотников за головами. Ну и джунгли, конечно. Саша долгое время не мог привыкнуть к их влажному, тяжелому воздуху. Тем более что первые его боевые задания как раз и состояли в патрулировании окрестностей. Полицейский пост Агатс в Асмате, лагерь политических заключенных Бовен-Дигул в Танах Мерах, области Маппи и Фак-Фак.

Последние месяцы Мерауке жил в постоянном ожидании японского вторжения. Да это и немудрено. Уже 8 марта, после капитуляции Явы, остатки голландской армии эвакуировались в Австралию. Трагедия KNIL заключалась в том, что она была сравнительно невелика – всего двадцать один батальон. Или порядка двух обычных дивизий. А оборонять предстояло огромную территорию – почти в два миллиона квадратных километров! Да и многонациональный состав самой колониальной армии тоже никак не шел на пользу дела. Помимо собственно голландцев в её составе храбро сражались лишь индонезийские офицеры, потомки смешанных браков малайцев и европейцев, да солдаты-христиане с острова Амбон и из Менадо – города и одноименной области на острове Целебес. Навербованные на самой Яве новобранцы по большей части к войне относились пассивно и врагов в японцах не видели. Население же Суматры и вовсе воспринимало голландцев с плохо скрываемой враждебностью. Чего уж тогда говорить о совсем диких племенах даяков с Борнео или папуасов с Новой Гвинеи, которым прежняя колониальная администрация запрещала заниматься такими милыми шалостями, как поедание себе подобных и коллекционирование вражеских голов! А японцы, напротив, разрешили.

Тем не менее практически на каждом острове Нидерландской Индии, остатки голландских гарнизонов отступали в джунгли и продолжали вести партизанскую войну. Где-то эта борьба продолжалась всего пару месяцев, а где-то она растягивалась и на два-три года. То есть фактически до полного освобождения архипелага.

Впрочем, в роковом 1942 году об этом ещё мало кто догадывался. Захватив основные острова Индонезии, японцы в апреле огненным смерчем прошли и по сравнительно малонаселенному северному побережью Новой Гвинеи, захватывая как голландские, так и австралийские города и поселки. Союзникам удалось удержать в своих руках лишь Порт-Морсби. Ну и Мерауке, естественно. Японское нашествие до него не докатилось, хотя сам город и пережил более двух десятков авианалетов. Под некоторые из них довелось попасть и Саше Ли. К счастью, без особых последствий.

Между тем в судьбе его вновь наметились неожиданные изменения. Как-то раз, в мае, вместо обычного утреннего развода караула лейтенант Эвертс построил весь наличный состав и после краткого приветствия сказал:

– Солдаты! Из штаба армии в Мельбурне получен следующий приказ. В Мерауке надлежит оставить лишь штатный гарнизон и бойцов ополчения, на вербованных из местных жителей. Остальных следует отправить в Австралию. Куттер «Ран Палома» должен прибыть за вами часов в двенадцать. Соответственно, времени на сборы, полагаю, остается ещё предостаточно.

Ну и, хочу добавить от себя, что был горд проходить службу со столь крепким и спаянным коллективом! До встречи (Tot ziens)!

Так Саша Ли очутился на Зеленом континенте.

Глава 6

Практически сразу, по прибытии в Австралию, часть военнослужащих в спешном порядке временно откомандировали для обслуживания зенитных пулеметов на судах торгового флота. Начавшаяся война показала резко возросшую роль авиации. Зачастую именно самолеты, а не крупнокалиберная артиллерия крейсеров и линкоров решали исход сражений на море. И если даже холимые и лелеемые в довоенное время бронированные громады оказались практически бессильны против угрозы с неба, то чего уж тогда говорить о простых транспортных и пассажирских пароходах? Вот по принципу «защити себя сам» их и принялись вооружать сорокамиллиметровыми зенитными пушками «Бофорс» и двадцатимиллиметровыми автоматами «Эрликон». Однако достаточно квалифицированных стрелков для обслуживания их катастрофически не хватало. Для этой цели правительство Нидерландов в изгнании на вербовало множество добровольцев в своих, так и оставшихся не оккупированными колониях. А именно – в Суринаме и на Антильских островах. Но тех ещё следовало обучить и в случае с Нидерландской Индией – доставить на место. Тихий океан – не Атлантика. Путь до него неблизкий. А грузы надо возить постоянно. Поэтому в ожидании прибытия добровольцев и решили пока обойтись местными ресурсами.

В порты Австралии, из захваченных японцами индонезийских вод, сумело уйти порядка двадцати одного голландского парохода. И это не считая большого количества самых разнообразных мелких суденышек, типа шхун, моторных ботов, люггеров и тому подобных. Все они сыграли исключительно важную роль в развернувшемся сражении за Новую Гвинею, что в равной степени признавали как австралийцы, так и американцы. Именно голландские транспортные суда, ежеминутно подвергавшиеся опасности смертоносного удара с воздуха, прорывались в Порт-Морсби, Буну и бухту Милн, непрерывным потоком доставляя туда военные грузы, людское пополнение и даже легкие танки. Три из них – «Бантам», «Ван Хеескерк» и «с'Якоб» погибли во время этих рейсов, вошедших в историю под своим кодовым наименованием «Операция “Лилипут”». В общем, лиха морякам торгового флота довелось хлебнуть не только в Арктике!

Очередной конвой ЗК-8, предназначенный для доставки в Порт-Морсби подразделений 14-й австралийской пехотной бригады, формировался в Сиднее в середине мая 1942 года. Эскортировать его должны были австралийский же эсминец «Арунта» и один из двух уцелевших голландских легких крейсеров – «Тромп». Однако буквально накануне отправки – 17 мая, оба корабля экстренно вышли в море для оказания помощи советскому пароходу «Уэлен», на подходе к порту Ньюкасл атакованному японской подводной лодкой. По пути к «Тромпу» и «Арунте» присоединился ещё и американский эсминец «Перкинс». Лодку, впрочем, им обнаружить не удалось. Да и оказывать помощь по большому счету тоже не потребовалось.

Пароход «Уэлен», приписанный к Дальневосточному морскому пароходству, шел из Новой Зеландии в иранский порт Бендер-Шахпур с полным грузом шерсти и свинца. В австралийском Ньюкасле планировалось сделать остановку для пополнения запасов воды и угля. Хотя Советский Союз и не участвовал в войне с Японией, однако здешние воды считались зоной боевых действий. Да и в акваторию Индийского океана иногда прорывались немецкие и итальянские рейдеры. Поэтому «Уэлен» пусть и слабо, но все-таки вооружили. Первоначально, ещё во Владивостоке, на борт передали восемь винтовок и два ручных пулемета. Затем уже в Иране на пароход дополнительно установили крупнокалиберный пулемет «Шкода», а в Сиднее – трехдюймовую горную пушку образца 1908 года. Кроме того, для острастки вероятного противника, наши моряки из пустых бочек из-под краски сварганили и некое подобие «глубинных бомб», которые и развесили по бортам. Короче говоря, подготовились, как следует!

Разумеется, если бы не мужество самого экипажа, вкуче с некоторой толикой везения, то никакое оружие – ни реальное, ни мнимое, пароходу бы не помогло. В 22.28 16 мая 1942 года в кромешной тьме по правому борту «Уэлена» раздался орудийный выстрел. Первоначально, моряки решили, что это патрульное судно, наверное, подобным образом требует остановиться. Однако следом прогремел второй выстрел, тоже прошедший мимо. Зато третий снаряд разорвался прямо над пароходом, изрешетив осколками переднюю стенку надстройки, капитанский мостик и палубу в некоторых местах. Плюс оказались ранены три члена команды, с капитаном в том числе. Тут только комендоры «Уэлена» открыли ответный огонь. Лодка же, зайдя с левого борта, выстрелила ещё два раза. От одного из разрывов, подававшего снаряды матроса Луцика, взрывной волной сбросило в зарядный ящик. Но и японцы потеряли всякую бдительность. В азарте охоты они сблизилась со своей жертвой настолько, что очертания корпуса субмарины стали ясно различимы в фосфоресцирующих водах Тасманова моря. И возмездие не заставило себя ждать.

Сначала несколькими очередями из крупнокалиберного пулемета по лодке прошелся матрос Симбердеев, выпустив в общей сложности около сорока бронебойных пуль, а потом в основание рубки угодили и артиллеристы. Всего один снаряд попал в цель, но он, похоже, и решил исход дела. В спешном порядке с шумом воздуха и бурлением воды подводная лодка камнем ушла на дно. Утопить её, конечно, не утопили, но некоторые повреждения нанести сумели. Уже после войны стало известно, что атаковала «Уэлен» японская субмарина I-29. Всего бой с ней продлился до 00.20 17 мая.

В скором времени на борт советского парохода прибыли представители ВМС Австралии. Они подробно расспросили наших моряков, после чего на сутки приостановили все перевозки по маршруту Ньюкасл – Сидней. На поиск подводной лодки, как уже было выше сказано, срочно отрядили голландский крейсер «Тромп» в сопровождении эсминцев «Перкинс» и «Арунта». История эта прогремела достаточно широко. Естественно, был наслышан о ней и Саша. Ему очень хотелось встретиться с героическим экипажем, однако никаким весом для подобного деяния он пока не обладал. Да и в самом деле, многое ли может позволить себе обычный рядовой? Не генерал же! Вот если бы Саша успел записаться не в армию, а в морскую пехоту, тогда, да – возможно. По стародавней традиции, отряды морпехов входили в экипажи крейсеров флота Нидерландов. Имелось такое подразделение и на борту «Тромпа». Причем тамошним морским пехотинцам ещё крупно повезло, в отличие от их собратьев с «Явы» и «Де Рюйтера», вместе со своими кораблями, погибшими в злополучном сражении в Яванском море.

Но Саша в элитные войска, увы, не попал. Обстановка была уже не та. Тут уж, как говорится, не до жиру. Хорошо хоть в плену не очутился. А ведь мог бы, если бы высадился не в Мерауке, а в каком-нибудь ином городе Индонезии. В той же Сурабае, например. А так, «рядовой Тан Ли» по-прежнему оставался в строю и продолжал выполнять тайное задание родины. По разрядке, он оказался в числе стрелков, отобранных для обслуживания зенитной артиллерии парохода «Бонтеку», также входившего в конвой ЗК-8. В 8.30 18 мая 1942 года в порту Сиднея на него начали грузиться подразделения 36-го австралийского пехотного батальона. Чуть раньше приняли на борт войска и другие голландские пароходы. На «Ван Хейц» поместилась большая часть 3-го пехотного батальона – 617 человек. Ещё 17 военнослужащих из его же состава погрузились на «Ван Хеескерк». Хватало иных войск и на борту «Бонтеку». Помимо собственно 36-го батальона здесь находились отдельные отряды из 3-го и 55-го батальонов, а также штабные службы 14-й пехотной бригады, 35-й американской авиабазы и 138-го медицинского корпуса армии США. Уже одно это указывало на ту спешку, с которой очередные подкрепления перебрасывались в Порт-Морсби. О соответствующих грузах нечего и говорить. Штабеля с батальонным имуществом пребывали в таком хаосе, что несчастные командиры

только за голову хватались. Привычные ко всему морские волки успокаивали их. Мол, времени в пути предостаточно. Ещё успеете всё рассортировать!

В море вышли 18 мая. Помимо голландских пароходов в конвое следовало и австралийское судно «Таруна», перевозившее основную часть 55-го пехотного батальона. Сразу же начался обычный судово-распорядок. Периодически играли учебные тревоги, занимались строевой подготовкой, перебирали вещи. В придачу к зенитной артиллерии «Бонтеку» в разных точках парохода установили ещё и двадцать четыре ручных пулемета «Брен» из числа принадлежащих 36-му батальону. Круглосуточные посты у них несли австралийские же пехотинцы. Так что в отношении противовоздушной обороны экипаж и пассажиры могли чувствовать себя более или менее спокойно. Общий же эскорт обеспечивали «Тромп» и «Арунта», стремительные силуэты которых успокаивающе маячили на горизонте.

Между тем начала сказываться и разница в общей скорости судов каравана. Например, в Таунсвилл «Ван Хейц» прибыл в 16 часов 24 мая, а «Бонтеку» только на следующий день. Уходили тоже порознь. В Таунсвилле к 20 офицерам и 314 рядовым 36-го батальона, добавились ещё девятнадцать офицеров и пятьдесят три рядовых из числа оставшихся в Сиднее и добравшихся сюда по суше. Порт-Морсби встретил конвой проливным дождем. Невзирая на то, что многие промокли до нитки, на судах царило всеобщее ликование, поскольку погода была явно нелетная, а значит, появление японской авиации не ожидалось.

«Бонтеку» в компании с «Таруной» вошел в гавань главного города австралийской части Новой Гвинеи в 16.15 29 мая. Высадка войск началась в 20.15 и продлилась до 21.30. Затем продрогших до костей пехотинцев перевезли в плохо оборудованный лагерь в шестнадцати километрах от Порта-Морсби, где выделили по чашке горячего чая с куском пирога и пачку сигарет на брата. Дождь продолжался и на следующий день, когда производилась выгрузка остального батальонного имущества. Между прочим, к каждому уложенному на пирсе штабелю из ящиков и мешков приходилось немедленно ставить часовых из-за частых случаев воровства со стороны солдат других подразделений! Что поделаешь. Солдаты везде одинаковы. Не только кашу из топора сварят, но и чем поживиться быстро найдут!

«Бонтеку» же, простояв под разгрузкой весь день 30 мая, опять вышел в море. Налетам японской авиации в этот раз он, к счастью, не подвергнулся. В общем, первое боевое задание Саши на австралийской земле прошло на удивление бескровно. В ознакомительном порядке, так сказать. Что, разумеется, отнюдь не обещало ему легкой жизни и в будущем. Война ведь пока и не думала заканчиваться. И в скором времени она вновь властно напомнила о себе. Тем более что по прибытии в Сидней Сашу опять перевели в сухопутные части. Его морская командировка закончилась, вобрав в себя всего один рейс, сделанный на «Бонтеку». Дальше предстояли обычные пехотные будни. Когда скучные, а когда и смертельно опасные.

Глава 7

После эвакуации остатков Королевской Нидерландско-Индийской армии в Австралию, общая численность её составила всего-навсего около двух рот. Впоследствии к ним прибавилась ещё и третья – Тиморская, почти целиком включавшая в себя партизанский гарнизон, успешно вывезенный с острова. Тем не менее командовал всем этим грозным воинством аж целый генерал-лейтенант авиации Людольф Хендрик ван Ойен. Разгадка сего парадокса, что называется, лежала на поверхности. Просто ван Ойен остался единственным генералом старой армии, не попавшим в японский плен. Вот и двинули его в командармы.

Между тем воинственный пыл голландских штабных офицеров ничуть не угас после сокрушительного разгрома 1942 года. Сейчас уже доподлинно неизвестно, кому из них первому пришёл в голову замысел поистине самоубийственной операции «Plover» («Чибис»). Суть её заключалась в следующем. Захватив практически всю Индонезию, японцы до поры до времени оставили без внимания несколько мелких архипелагов в море Банда. Это были острова Каи, Ару и Танимбар. Однако голландских гарнизонов там тоже не было. Имелись лишь несколько разрозненных полицейских и наблюдательных постов. Вот в штабе KNIL и решили упредить японцев и занять острова первыми.

Для этой цели и был сформирован сводный отряд из восьмидесяти двух добровольцев под общим командованием первого лейтенанта пехоты Фрица Иеронимуса. Силы, и без того малочисленные, ослаблялись ещё и тем, что действовать им предстояло на разных направлениях. Сам Иеронимус вместе с двадцатью семью солдатами готовился к занятию города Туал на архипелаге Каи. Чуть более внушительный отряд из сорока одного военнослужащего намеревался десантироваться на острова Ару. И наконец двенадцать солдат KNIL во главе с тринадцатым – амбоинским сержантом Юлиусом Тахеа, планировали поставить под свой контроль весь архипелаг Танимбар. Под начало последнего попал и наш Саша Ли, наряду с остальными, вызвавшийся идти в десант. В его планы отнюдь не входило протирать штаны в глубоком тылу! Ведь в поставленном в Москве задании чётко говорилось – оценить боевой потенциал голландской армии. Для этого и посылали его за тридевять земель!

Единственным плюсом малочисленности десантников было то, что их наконец смогли хорошо вооружить. Сам сержант Тахеа, сверкая белозубой улыбкой, демонстрировал всем американский автомат системы Томпсона с дисковым магазином. Ещё его отряду придавались два ручных пулемета «Льюис». Остальные солдаты экипировались согласно личным предпочтениям.

– Хочешь, возьми «шмайссер»? – подмигнув, предложил Александру Тахеа, указывая на пистолет-пулемет немецкого производства.

«Да какой же это “шмайссер”?!» – чуть было не брякнул Саша, но вовремя спохватился. На советско-германском фронте наши бойцы ошибочно называли «шмайссером» автомат МП-40 конструкции Генриха Фольмера. А это совсем иное оружие. Здесь же был именно «шмайссер МП-28П» с деревянным прикладом, ствольным кожухом и боковым расположением магазина.

– Нет, я лучше карабин возьму! – открестился Саша. – Он как-то привычнее.

Карабины в Нидерландской Индии в основном состояли на вооружении жандармерии и представляли собой укороченную вариацию всё той же винтовки Манлихера образца 1895 года. За время короткой службы на Новой Гвинее Александр и впрямь по привычке к ней. Форма на нём оставалась прежняя, выданная в Мерауке и ещё не успевшая износиться. А вот в придачу к пилотке пришлось взять и положенную по штату каску со штампованным изображением стоявшего на задних лапах нидерландского льва. В общем, подготовился как следует!

Маленький отряд Юлиуса Тахеи переправился на острова Танимбар в середине июля 1942 года. Там бравый сержант сразу же развил кипучую деятельность. Заняв под свою штаб-квартиру небольшой городок Саумлаки, он экстренно мобилизовал и поставил под ружьё ещё двадцать шесть человек из числа полицейских агентов и белых колонистов. Однако это было несоизмеримо с силами, выделенными японцами для захвата островов.

Уже 30 июля вышедшие с Мисула вражеские эсминцы обрушились на архипелаг Каи. Лейтенант Иеронимус с остатками своих людей отступил в джунгли и повёл партизанскую войну. Впоследствии, он был схвачен и казнён в японском концлагере в Бату Мерах. Лишь молуккскому капралу Джареду Малавуа, вместе с несколькими солдатами, удалось бежать на парусном рыбацком судёнышке в Австралию.

В тот же день пришла очередь островов Ару. Тамошний гарнизон вообще сдался без боя. А вот Юлиус Тахеа не стал пассивно ждать незавидной участи. Правильно определив, что единственное удобное для высадки место находится в районе длинного пятидесятиметрового пирса, он распорядился заблаговременно устроить вокруг его основания огневые позиции. И вскоре пять искусно замаскированных окопчиков были открыты в разных точках прихотливо изгибающейся береговой линии.

Получил отряд Тахеи и неожиданное подкрепление. 26 июля на остров прибыли бежавшие с оккупированного японцами Тимора два австралийца – сержант Фриман и рядовой Лилея. Им, конечно, были рады, однако сержант рассчитывал на нечто более существенное. На его соответствующий радиозапрос командование KNIL ответило, что свободных войск у них в наличии нет, но они постараются обратиться за помощью к австралийской армии. На том и порешили.

Глава 8

Около половины четвертого утра 30 июля 1942 года сержанта Тахею разбудил часовой, сообщивший, что с берега слышен шум машин входящего в бухту судна. «Наверное, это “Грифон”», – спросонья подумал амбоинец и, наспех умывшись и пригладив ладонью волосы, вышел из комнаты, на ходу застегивая гимнастерку. Как начальник гарнизона, он был обязан всегда быть при полном параде! Равно, как и встречать, и провожать все посещавшие гавань суда.

Однако на пирсе сержанта ждало неприятное открытие. Вместо ожидаемого моторного бота он во всё ещё густых тропических сумерках различил очертания двух становившихся на якорь японских эсминцев.

– Оба-на! – не сдержавшись, эмоционально воскликнул Тахеа. – Началось!

Не мешкая, он бросился назад и поднял тревогу. Если кто в отряде и испытывал волнение, то ничем это не выдавал. Каждый занимал места, согласно заранее распisanному плану. К примеру, телеграфиста Боссона вместе с двумя австралийцами сержант отправил на радиостанцию с приказом немедленно сообщить о появлении неприятеля. Застегнув под подбородком ремешок каски, спрыгнул в отрытый в белом коралловом песке окопчик и Саша. «Странное дело, – подумал он, снимая карабин с предохранителя, – дома, когда в военкомат бежали, всё боялись на войну не успеть. А в итоге – попали в самое пекло. Так и здесь. Думал, раз Нидерландская Индия капитулировала, то повоевать уже не придется. Выходит, ошибался».

Тем временем японские десантники погрузились в шлюпки и деловито погребли с двух сторон к пирсу. Высадившись на него, они построились в колонну по четыре и спокойно зашагали по направлению к берегу. На часах было около четырех. Подождав, пока стройные ряды японцев не приблизились к позициям его отряда на двести метров, сержант Тахеа коротко скомандовал:

– Огонь!!! – И прибавил уже неофициально: – Мочи их, ребята!

Тотчас загрохотали оба пулемета, немедленно поддержанные командирским «томпсоном», а также «шмайссерами», автоматическими и самозарядными винтовками и карабинами солдат и местных ополченцев. Нажимал на спусковой крючок и Саша, хладнокровно целясь в мечущиеся по пирсу человеческие фигурки. Японские десантники были попросту сметены плотной стеной огня в море. Немногие уцелевшие пытались отыскать хоть какое-то укрытие, но безуспешно. В течение двадцати минут все было кончено.

Однако долго праздновать первую победу голландцам не дали. Получив известия, о произошедшем на берегу побоище, капитаны неприятельских эсминцев развернули свои орудия и обрушили на пристань целый град снарядов калибром 120 миллиметров. Одновременно корабельные прожекторы, словно жадные пальцы, принялись шарить по окрестностям, в надежде нащупать позиции отряда Тахеи. Но окопы тех были хорошо замаскированы, поэтому основной артиллерийский удар пришелся по самому городку Саумлаки. Вместе с тем отнюдь не успокоившиеся японцы вновь снарядили шлюпки и попытались высадиться повторно. И вели себя при этом гораздо осмотрительнее.

– Что они делают? – встревоженно спросил Тахеа, сияясь рассмотреть хоть что-нибудь на фосфоресцирующей поверхности моря. – Отсюда ни черта не видно!

– Похоже, пытаются причалить непосредственно к берегу и охватить нас с флангов! – отозвался возглавлявший местных ополченцев менадонезийский агент полиции второго класса Ренденган.

– Блин! Я так и знал! Передайте по цепи – пусть растянутся по берегу, сколько возможно. Если япошки сумеют нас окружить, то нам хана!

Вторую попытку высадки тоже отбили, благодаря отчаянной пальбе из всех имеющихся видов оружия. Однако наступал рассвет, и ситуация в скором времени грозила кардинальным образом измениться. Так оно и получилось. При дневном свете японские канониры быстро пристрелялись, и защитники острова начали нести первые потери. Саше опять повезло не получить ни единой царапины, хотя буквально в паре шагов от него и был насмерть сражен осколками яванский солдат первого класса Дасуки.

– Отходим! – в 6.20, оценив обстановку, прохрипел сержант. – Погеройствовали – и хватит! Против пушки с винтовкой не попрешь.

«Ага, – мысленно добавил Ли. – Я бы выразился точнее: “Против лома, нет приема!”»

– Встречаемся в условленном месте! – меж тем, продолжил Тахеа. – Я задержусь, чтобы сжечь оставшиеся запасы амуниции и бензина.

Подобно подлинному командиру, он не стал перекладывать ответственность на чужие плечи. И чуть было не попал в плен, когда уничтожал задуманное, но сумел отбиться от японцев из своего «Томпсона».

В месте сбора, на обочине петлявшей к гавани дороги, сержанта встретили лишь Саша и трое яванских солдат первого класса – Ранамедья, Вонгсодиномо и Мохаммед Саюти.

– Н-да, негусто, – попытожил сержант. – А где же остальные?

– Не знаем, – пожал плечами один из яванцев. – Или погибли, или отступили другими путями.

– Ладно, тогда идем к радиостанции. Может, встретим там кого. Да и оборудование надо уничтожить.

Однако и там никого не оказалось. Передатчик тоже был кем-то выведен из строя. Поразмыслив, Тахеа решил пересечь южную оконечность острова, чтобы выйти к расположенному на западном побережье поселку Верматанг. Он рассчитывал раздобыть там парусное рыбацкое судно для дальнейшего возвращения в Австралию. По пути, к своей великой радости, сержант и его люди встретили телеграфиста Боссона в компании двух австралийцев, и двух чиновников местной администрации – Ленарта и Алторфа. В Верматанг несколько пополнившийся маленький отряд прибыл уже после полуночи.

На следующий день, 31 июля, в поселок пришли ещё два яванских стрелка – Товикромомо и Тамейс, назначенные первым и вторым номером при пулемете «Льюис». Свою «швейную машинку» они тоже притащили с собой.

– Ну, молодцы! – обнимая подчиненных, воскликнул Тахеа. – Хвалю за то, что не бросили вверенного оружия! А патроны к нему есть?

– Не-а! – беззаботно отозвался Тамейс. – Всё расстреляли!

– Так разберите и выбросьте в море, к чертовой матери! Нечего лишнюю тяжесть с собой таскать!

Что до судна, то такого в Верматанге не оказалось. Впрочем, по заверениям местных жителей, подходящее прау вполне можно было отыскать в расположенном севернее поселке Макатиан. Пришлось после полудня отправляться туда. Путь в Макатиан занял три дня. Прау в поселке действительно имелись, но маленькие, пригодные только для прибрежного плавания. Единственное, на что соглашались здешние рыбаки, так это отвезти сержанта и его товарищей в находящееся практически на северной оконечности острова селение Ватмасса. С тем же успехом. А именно – отрицательным.

Не обнаружив ничего подходящего в Ватмассе, отряд Тахеи разделился. Чиновник Ленарт вместе с остальными переправился на островок Барнусса, а сам командир 3 августа прибыл в Ларат, где у него наконец забрезжил лучик надежды. И было отчего! Местный глава – господин Лимахелу сообщил неугомонному амбоинцу поистине потрясающую новость.

Оказывается, хороший мореходный люггер имелся в селении Авер, расположенном на лежащем поблизости островке Вордате. На нем туда приплыли из захваченного японцами

Туала сержант Арро и рядовой Браувер. И Тахеа не мешкая отправился на соседний остров. Оба военнослужащих, очутившихся в Авере, с радостью согласились предпринять вместе с его командой рискованный морской переход в Австралию. К тому же следовало воспользоваться последними благоприятными днями. Пока на архипелаге Танимбар воцарилось временное безвластие, но долго так, разумеется, продолжаться не могло. К слову, ещё 30 июля, в шестнадцать часов, японцы уже высаживались в Ларате, ограбили там всё подчистую и пообещали вернуться. Однако глава поселка, вышеупомянутый господин Лимахелу, не побоялся снабдить отряд сержанта необходимым запасом продовольствия для долгого путешествия.

5 августа Тахеа вместе с Арро, Браувером и туземцами, умеющими обращаться с парусами, перегнал люггер на Барнуссу, где подобрал остальных своих людей и отправился в Ларат. И там его в очередной раз догнало ошеломляющее известие. По сообщениям местных рыбаков, чуть ли не сразу после их отплытия из Авера туда добрался ещё один солдат, уцелевший в сражении у Саумлаки. И, хотя на счету была каждая минута, сержант приказал поскорее грузить приготовленную господином Лимахелу провизию и пресную воду и поворачивать обратно. Плох тот командир, который бросает своих подчиненных в беде!

В Авере товарищей чуть ли не со слезами на глазах встретил менадонезийский солдат первого класса Питер. Да не один! Компанию ему составил менадонезийский же агент полиции Ренденган. Оба, кстати говоря, хорошо проявили себя в отражении японского десанта. Больше желающих присоединиться к отряду сержанта не было, и 8 августа распустивший паруса люггер взял курс на Австралию.

Четыре дня спустя на горизонте показался остров Мелвилл. На следующую ночь отряд Тахеи прибыл в здешнюю миссию. Но, увы, там не оказалось радиопередатчика. Пришлось плыть дальше. 15 августа невольные мореплаватели добрались до миссии Батхерста, где им наконец удалось связаться с австралийским командованием. Там отреагировали достаточно оперативно. За телеграфистом Боссоном прислали самолет, а остальных на небольшом минном заградителе доставили в Дарвин. Ну а уже оттуда 28 августа уставший, но от того не менее дружный отряд Тахеи прибыл в Мельбурн. Так закончилась последняя самостоятельная операция голландской армии в Юго-Восточной Азии.

Ретроспектива № 3

Награждение отличившихся состоялось как во время, так и после окончания войны. Юлиус Тахеа стал кавалером Военного ордена Вильгельма IV степени. Джаред Малавуа и Фриц Иеронимус (посмертно) получили по Бронзовому льву. Остальным раздавали награды согласно ранжиру. Солдаты, числившиеся в регулярном составе KNIL, оказались достойны Бронзового креста, а военнослужащие милиционного ополчения (в том числе – и Александр Ли) – только «Звезды Сопrotивления в Восточной Азии 1942–1945».

И вот уже в мирное время я как-то спросил ветерана, не обидно ли ему за такую несправедливость.

– Да как тебе сказать, – развел руки в стороны маленький седой китаец. – С одной стороны – конечно, обидно. Как будто я не в одном окопе с ними сидел! Меня же и за Керчь к медали «За отвагу» представляли, а дали только «За боевые заслуги». Да и ту вручили только в сорок третьем, уже после возвращения в Союз.

– А что, разве есть какая-то разница? – недоуменно переспросил я.

– Э-э-э! – усмехнулся ветеран. – Сразу видно, что ты историей не сильно интересуешься. В начале войны и «За отвагу», и «За боевые заслуги» давали крайне скупо. И носились они тогда на маленькой красной четырехугольной колодочке. То есть определенный повод для гордости был. А с 1943 года медалями этими стали награждать массово. И колодку у них поменяли на стандартную – пятиугольную. Так что, может и впрямь показаться, будто наградами меня малость обошли. Хотя, с другой стороны, – разве я за них воевал? Плюс домой живым вернулся. Это ли не самая главная награда? Многие и того не имеют...

Глава 9

Ещё во время своего первого визита в Австралию Александр, как и было условлено, умудрился установить контакт с представителями советского консульства в Канберре, воспользовавшись для этого очередной увольнительной. В отправленном тогда же для Центра отчете он подробно описал систему несения гарнизонной службы на Новой Гвинее, а также вкратце упомянул об общем состоянии остатков голландской колониальной армии. Вторая конспиративная встреча с кураторами состоялась уже после завершения операции «Plover». Естественно, к ней был присовокуплен и детальный рапорт об оккупации архипелага Танимбар и последовавших затем боях с японцами. Одновременно Саша в корректной форме намекал, что не видит особого смысла в своем дальнейшем пребывании здесь.

Действительно, после июля 1942 года активные действия бывшей голландской армии надолго замерли. Да и называлась она теперь уже не KNIL, а NEI Force (от сокращенного английского «Силы Нидерландской Ост-Индии»). Оставшихся в строю солдат переодели в пошитое в Австралии обмундирование, состоявшее из легких брюк со стрелками, кителя с отложным воротником и пилотки американского образца. Занимались они в основном строевой подготовкой, учебными стрельбами, да всевозможными спортивными мероприятиями. Ну и купанием в море и походами в бар, если выпадала долгожданная увольнительная.

А в это время дела на советско-германском фронте складывались далеко не лучшим образом. После катастрофы в Крыму и под Харьковом немцы вышли к предгорьям Кавказа и завязали бои за Сталинград. Повторно пал Ростов. Саша в общих чертах знал обо всем этом, поскольку внимательно следил за австралийской прессой. Оттого и рвался обратно на родину, считая свое пребывание под южным солнцем несколько затянувшимся. Но и у Льва Лукича голова сейчас была занята совершенно другим. Ни сил, ни времени на разработку какого-нибудь хитроумного плана по выводу агента Ли не оставалось. Поэтому ему и было приказано пока оставаться на месте. Параллельно для поднятия морального духа в полученной директиве, сообщалось, что за прошлогоднюю Керченско-Феодосийскую десантную операцию Саша представлен к медали «За боевые заслуги». Документы на награждение из штаба 302-й горнострелковой дивизии пришли вскоре после его отъезда во Владивосток. Соответственно, и медаль он сможет получить лишь после завершения текущего задания.

Новость, конечно, обрадовала Сашу, но не сильно. По-прежнему хотелось домой. Однако дело сдвинулось с мертвой точки, во многом опять благодаря очередной случайности. Хотя, как и было выше сказано, сама голландская армия в Австралии особой активности не проявляла, но зато поистине кипучую деятельность развила недавно организованная NEFIS (опять же аббревиатура от английского «Секретная служба Нидерландской Ост-Индии»). То и дело при помощи подводных лодок на оккупированные японцами острова Индонезии высаживались небольшие разведывательные партии. Они занимались сбором информации военного характера, оценивали настроения местного населения, устанавливали контакты с изолированными партизанскими отрядами. Добровольцев в секретные агенты, естественно, вербовали среди военнослужащих бывшей KNIL. Но далеко не все на это соглашались.

– Ни за что! – заявил раз, в минуту откровенности, амбоинский солдат Нико Латумахина, с которым Саша сошелся особенно близко на почве изучения индонезийского стиля единоборств пенчак-силат. – В атаку, допустим, идти – это одно, а вот так, за здорово живешь, во вражеский тыл соваться – совсем другое. Японцы – они же звери! Если схватят, то непременно казнят. И не просто расстреляют, а штыками заколют или голову отрубят!

«Н-да. Перспектива, конечно, нерадужная», – про себя подумал Саша. Тем не менее именно его однажды вызвал на приватный разговор второй лейтенант пехоты Хейстра. Был он

по виду типичным фризом – высокий, светловолосый, с носом-уточкой. И все же, невзирая на столь отличавшуюся от местного населения внешность, в разведку ходить не боялся.

– Послушай, Ли, – не стал долго ходить вокруг да около лейтенант, – ты русским языком случайно не владеешь?

– А что такое? – сразу насторожился Саша.

– Да вот, прочитал в твоём личном деле, что тебя русские моряки в море подобрали.

– Было такое. Но ведь у них, на судне, я и пробыл всего около недели. Что за это время можно серьезно выучить? Так, только пару общих фраз: «Здравствуйте», «Добрый день», «Спасибо», «Товарищ».

– Что ж, негусто, – покачал головой Хейстра. – Но другие и того не знают.

– А в чем дело, господин лейтенант? Если не секрет, конечно.

– Да набираю я добровольцев в очередную разведывательную партию. А задание в этот раз перед нами стоит весьма непростое. По неподтвержденным данным, на острове Большая Натуна, расположенном у северо-западного побережья Борнео, находится группа русских моряков с потопленного японцами парохода.

– Так они же нейтралы!

– В том-то всё и дело. Из-за этого якобы японцы и не выпускают их с острова. Типа, чтобы правда наружу не вылезла. Вот командование и хочет выяснить, соответствует ли это действительности. Ну и заодно установить судьбу нашего гарнизона.

– Теперь понятно. И вы хотели привлечь меня в качестве переводчика?

– Ну да. Разумеется, я рассчитываю, что хоть кто-нибудь из них знает английский, но подстраховаться, знаешь ли, не мешало бы!

– Замысел, конечно, хороший. Жаль только толмач из меня, получается, никудышный. А вот простым бойцом я бы пошел с превеликой охотой. Скучно без настоящей боевой работы сидеть!

– Да? Отлично! Значит, зачисляю тебя в свой отряд. С завтрашнего дня начнем тренировки...

Ещё одним добровольцем вызвался идти яванский солдат Питер Гриет. Друзья, впрочем, для краткости, называли его просто Пит.

Для заброски партии лейтенанта Хейстры, получившей кодовое название «Падуб», привлекли голландскую подводную лодку К XII, под командованием лейтенанта тер зее I Теодора Брунстига. Подойдя к Натуне посреди ночи, он внимательно осмотрел в перископ погруженное во тьму побережье и, не заметив ничего подозрительного, приказал продуть балластные цистерны.

– Ну всё, – сказал Брунстиг, когда лодка всплыла на поверхность и матросы отдраили рубочный люк. – Буду ждать вас здесь в течение трех ночей подряд. Условные световые сигналы вы знаете. Удачи.

Коротко кивнув, Хейстра сделал знак Саше и Гриету следовать за собой и первым ухватился за стальные скобы трапа. Выбравшись на палубу, все трое пересели в заблаговременно подготовленную надувную шлюпку и, оттолкнувшись от борта К XII, бесшумно погребли по направлению к берегу. Ещё в Австралии, на базе NEFIS, их обрядили в береты, камуфляжные комбинезоны и вооружили десантными ножами и пистолетами-пулеметами СТЭН английского производства со складными прикладами. Примерный курс прокладывал лейтенант Хейстра, время от времени, сверяясь с маленьким, тускло светящимся карманным компасом.

Впрочем, вскоре нужда в этом отпала. О несомненном приближении берега говорил всё более и более ясно различимый мерный рокот прибоя. А потом впереди смутно забелела ровная полоска намытой морем косы. За ней, темнея на фоне ночного неба, угадывалась и колеблющаяся стена тропического леса.

Причалив к берегу, троица агентов тотчас спустила воздух из шлюпки и быстро закопала её в песке, тщательно замаскировав за собой все следы. Всё-таки многочасовые тренировки не прошли даром! Затем, коротко посоветовавшись, они решили не испытывать судьбу блужданиями по незнакомому ночному лесу, а спокойно дождаться рассвета, укрывшись в прибрежных зарослях.

Утро, как всегда в тропиках, наступило внезапно. Не было никаких, привычных Саше, сумерек и полутонов. Раз! И солнце будто включили. И сразу же раздался многоголосый птичий хор, приветствующий взошедшее светило.

– Так, – развернув карту и осмотревшись, сказал лейтенант. – Неподалеку отсюда должно находиться главное селение острова Ранай. Пойдем к нему. Вот вроде и тропка подходящая имеется. Только не забывайте об осторожности! Неизвестно, есть ли здесь японцы.

Озираясь по сторонам, они углубились в чащу. Однако примерно через полчаса шедший первым Гриет неожиданно остановился и сдавленно прошептал:

– Что это? Никак крест?

– Да. Похоже на могилу, – подтвердил лейтенант.

Перед ними, прямо посреди леса, стояла уединенная хижина на сваях. Очевидно, так здесь строили все. Рядом возвышался сколоченный из досок большой крест, с плохо различимыми отсюда надписями. Но не успели разведчики подойти поближе, как из хижины вдруг выскочил исхудавший небритый человек в лохмотьях, в которых с трудом можно было различить остатки голландской формы и, затравленно вертя головой, вскинул наизготовку карабин.

– Тихо! – твердым голосом приказал нерастерявшийся лейтенант. – Не стрелять! Свои.

– Боже мой! – мученически простонал незнакомец и, выронив карабин, прижал руки к лицу. – Неужели дождался?!

Впрочем, минутная слабость продлилась недолго. Вспомнив, что находится в присутствии офицера, «робинзон» с Натуны вытер ладонью выступившие слезы и, вытянувшись по стойке «смирно», четко отрапортовал:

– Разрешите представиться, господин второй лейтенант! Сунданезийский солдат Сукот! – И тут же, спохватившись, прибавил: – Рядовой первого класса!

– Вольно, – козырнул в ответ Хейстра. – Это хорошо, боец, что мы тебя встретили. Будет, кому рассказать, о последних событиях. Пойдем либо в хижину. А ты, Пит, пока покарауль снаружи.

– Есть! – отозвался немногословный Гриет.

Когда они поднимались по деревянным ступенькам приставной лесенки наверх, то показывавший дорогу Сукот вдруг пошатнулся и в изнеможении ухватился за косяк двери. На его побледневшем лице выступил крупный пот.

– Э-э-э, да ты, парень, голодный! – догадался лейтенант.

– Так точно, – смущенно признался островитянин. – Ничего не ел уже три дня.

– На-ка, взбодрись. – И Хейстра отцепил от пояса флягу с джином в матерчатом чехле, а Саша без всякого приказа вытащил из своего рюкзака пачку галет и банку консервированной австралийской баранины. – Больше тебе, с голодухи, пока нельзя.

– Да знаю я, – махнул рукой Сукот и уселся за стол.

Галеты и консервы исчезли с умопомрачительной быстротой. Насытившись и сделав добрый глоток из фляги лейтенанта, сунданезиец тщательно вытер руки и начал обстоятельно рассказывать:

– В самом начале войны, гарнизон острова Большая Натуна состоял всего из пяти человек. Двух голландцев – первого лейтенанта пехоты Петера Энгерса и сержанта Янсона и нас, троих солдат. Правда, потом, командир на вербовал ещё отряд ополченцев из местного населения, но все они перед угрозой японского вторжения разбежались по своим деревням. Как таковой связи с командованием мы не имели, если не брать в расчёт маленький приёмник лей-

тенанта, в котором требовалось регулярно менять батареи. Ещё, раз в пару месяцев, на остров приходил небольшой парходик с Борнео. Он привозил различные товары и забирал заготовленные местными туземцами запасы копры. Однако после объявления войны и эта тоненькая ниточка, связывавшая нас с «большой землей», оборвалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.